За свою короткую жизнь художник Левитан побывал в Крыму лишь дважды. Впервые он приехал на юг, в Крым в 1886 году. В тот год ему исполнилось 26 лет.

В прошлом остались полуголодное детство, ранняя смерть матери, затем отца, учёба в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, встречи с Перовым, Поленовым, Саврасовым, любимым учеником которого был Левитан, унизительное положение в российском обществе. В 1879 году вышел царский указ, запрещавший евреям жить в «исконной русской столице», и полиция незамедлительно выселила Левитана из Москвы. Художнику было девятнадцать лет.

Но именно там, в Максимовке, куда полиция выселила Левитана, он написал свою первую картину «Осенний день в Сокольниках», где, как писал Паустовский, «серая и золотая осень, печальная, как тогдашняя русская жизнь, как жизнь самого Левитана, дышала с холста осторожной теплотой и щемила у зрителей сердце».

В летние месяцы 1880-1884 годов Левитан много писал с натуры. В Останкино художник создал картины «Дубовая роща. Осень», «Дуб», «Сосны». Пейзажи «Последний снег. Саввинская слобода» и «Мостик. Саввинская слобода» художник написал под Звенигородом, в Саввинской слободе. К середине 1880-х годов материальное положение Левитана немного улучшилось, он продал картину «Вечер после дождя».

В 24 года, в 1885 году Левитан окончил училище, однако звания художника удостоен не был – взамен он получил диплом учителя чистописания. После окончания училища Левитан так и остался в глухой деревне Максимовке. Первых заработанных денег не было. Знакомых, которые могли бы поддержать молодого художника, тоже не было. В ту весну он себе места не находил.

Неподалёку от Максимовки находилась деревня Бабкино, а рядом с нею имение А.С. Киселёва, племянника дипломата графа П.Д. Киселёва.

И.И. Левитан (1860–1900).

Алексей Сергеевич служил земским начальником в Воскресенском районе. Женат он был на Марии Владимировне, дочери бывшего директора московских императорских театров В.П. Бегичева. Мария Владимировна доводилась внучкой знаменитому просветителю, писателю и издателю Н.И. Новикову. Она сотрудничала в журналах «Детский отдых», «Родник». В Бабкине часто гостили певцы, писатели, художники, общественные деятели. Мария Владимировна дружила с А.П. Чеховым, П.И. Чайковским.

Хозяйкой усадьбы была Мария Владимировна. К ней из соседних деревень приходили крестьяне за помощью, так как она ещё и врачевала. Антон Чехов принялся помогать ей. Однажды пришла к ним из Максимовки Пелагея – жена пьяницы-горшечника, пожаловалась на болезни. Разговорились, она-то и сказала, что живёт у них на постое странный художник из Москвы. Ходит бирюк бирюком, того и гляди порешит себя, а им тогда – отвечай. И зовут-то его, прости Господи, по-чудному – Тесак Ильич.

Долго Чеховы гадали, кто это может быть, пока не смекнули, что Тесак Ильич – это, пожалуй, Исаак Ильич Левитан, товарищ Николая Павловича Чехова по училищу живописи и ваяния. Пошли в Максимовку. Нашли Левитана и переманили его в Бабкино. Третьяков незадолго перед этим купил у молодого художника картину, выставив её в своей галерее под названием «Осенний день. Сокольники», а фигуру женщины на ней, как оказалось, написал Николай Чехов, брат Антона Павловича. Случайная встреча Пелагеи с Марией Владимировной изменила жизнь Левитана. Здесь, у Киселёвых, Левитан и познакомился впервые с А.П. Чеховым. Судьба сблизила Левитана с А.П. Чеховым в 1885 году, когда они оказались в живописном подмосковном имении Киселёвых Бабкино, где семья Чеховых снимала в то лето флигель. Их дружба и творческое соперничество продолжались всю жизнь.

«А какие чудесные поэтические вечера проводили мы в парке у большого дома Киселёвых! – вспоминала через много лет сестра Чехова Мария Павловна. – Представьте себе тёплый летний вечер, красивую усадьбу, стоящую на крутом берегу, внизу реку, за рекой громадный лес... ночную тишину... Из дома через раскрытые окна и двери льются звуки бетховенских сонат, шопеновских ноктюрнов. Киселёвы, мы всей семьёй, Левитан сидим и слушаем великолепную игру на рояле Елизаветы Александровны Ефремовой. – Как хорошо! – говорит Левитан». В то лето Левитан ожил. Работал он в Бабкино много. С утра художник уходил на этюды, а Чехов, пока домашние спали, рассказики пописывал. По рассказу в день. Молодые все были, на выдумки мастера.

Брат писателя Михаил Павлович Чехов вспоминал: «Благодаря жизнерадостности милых обитателей мы все, в том числе и брат Антон, были очень

веселы. Он писал, критики его хвалили, хотя Скабичевский и предсказывал ему, что он сопьётся и умрёт где-нибудь под забором, но он верил в своё дарование и пока ещё был здоров. Иногда Антон дурил. Бывало, в летние вечера он надевал с Левитаном бухарские халаты, мазал себе лицо сажей и в чалме, с ружьём выходил в поле, по ту сторону реки. Левитан выезжал туда же на осле, слезал на землю, расстилал ковёр и, как мусульманин, начинал молиться на восток. Вдруг из-за кустов к нему подкрадывался бедуин Антон и палил в него из ружья холостыми зарядами, Левитан падал навзничь. Получалась совсем восточная картина. А то, бывало, судили Левитана. Киселёв был председателем суда, брат Антон – прокурором, специально для чего гримировался. Оба одевались в шитые золотом мундиры, уцелевшие у самого Киселёва и Бегичева. Антон говорил обвинительную речь, которая всех заставляла помирать от хохота».

И.И. Левитан. *Осенний день. Сокольники.*

И.И. Левитан вспоминал лето, проведённое в Бабкине, как самое счастливое время в его жизни. В Москве, в чеховском музее есть его небольшой этюд «Река Истра летом». Он очень солнечный! С плохим настроением такого не напишешь. В Бабкине пришла к художнику и любовь.

«Иду я однажды по дороге из Бабкина к лесу и неожиданно встречаю Левитана, – вспоминала на склоне лет Мария Павловна Чехова. – Мы остановились, начали говорить о том, о сём, как вдруг Левитан бух передо мной на колени и… объяснение в любви. Помню, как я смутилась, мне стало как-то стыдно, и я закрыла лицо руками.

– Милая Маша, каждая точка на твоём лице мне дорога… – слышу голос Левитана.

Я не нашла ничего лучшего, как повернуться и убежать. Целый день я, расстроенная, сидела в своей комнате и плакала, уткнувшись в подушку. К обеду, как всегда, пришёл Левитан. Я не вышла. Антон Павлович спросил окружающих, почему меня нет. Миша, подсмотрев, что я плачу, сказал ему об этом. Тогда Антон Павлович встал из-за стола и пришёл ко мне.

– Чего ты ревёшь?

А.П. Чехов (1860–1904).

М.П. Чехова (1863–1957).

Я рассказала ему о случившемся и призналась, что не знаю, как и что нужно сказать теперь Левитану. Брат ответил мне так:

– Ты, конечно, если хочешь, можешь выйти за него замуж, но имей в виду, что ему нужны женщины бальзаковского возраста, а не такие, как ты.

Мне стыдно было сознаться брату, что я не знаю, что такое “женщины бальзаковского возраста”. И, в сущности, я не поняла смысла фразы Антона Павловича, но почувствовала, что он в чём-то предостерегает меня. Левитану я тогда ничего не ответила, и он опять с неделю ходил по Бабкину мрачной тенью. Но вскоре все бабкинцы об этом “происшествии” узнали. Придёт, бывало, отец хозяйки усадьбы Владимир Петрович Бегичев и зовёт:

– Ну, Марьюшка, пойдём немного пройдёмся.

Возьмёт меня под руку и непременно поведёт в сторону левитановского флигеля, и чем ближе мы подходим, тем всё крепче прижимает мой локоть, чтобы я не убежала. Потом, как это всегда в жизни бывает, я привыкла и стала вновь встречаться с Левитаном. На этом весь наш “роман” и закончился».

Думается, что это всё-таки не так. Мария Павловна решилась рассказать об этом случае лишь под самый конец своей жизни. Видимо, слишком многое он значил для неё. Да и Левитан, в продолжение всей своей жизни имевший успех у женщин, перед смертью, когда Мария Павловна навестила его, уже тяжело больного, сказал ей: «Если бы я когда-нибудь женился, то только бы на вас, Маша».

Пребывание в Бабкине, дружба с Машенькой, Чеховым, знакомство с Киселёвыми многое значили в жизни художника.

С 1884 года Левитан участвовал в передвижных выставках. Однако из-за напряжённого труда у него обострилась болезнь сердца. В 1886 году он решил съездить в Крым. После возвращения представил пятьдесят крымских пейзажей.

У писателя Сергея Дурылина, в его воспоминаниях «В своём углу», есть такие строки: «Левитан очень любил православную церковную службу и часто заходил в церковь ко всенощной. Его поражало и пленяло своей красотой православное богослужение. Он находил бездну поэзии в вечернем сумраке малого и тесного храма, в огнях лампад, в тихом пении, в тонких струйках ладана, разносящихся по полупустой церкви, затихнувшей в полумраке. Живя в Плёсе, он любил М.П.Чехову и часто вместе с ней хаживал в церковь на вечернюю службу. Старенькую деревянную плёсскую церковку он перенёс на картину. Это был русский человек, всею душой и всем талантом русский... Он любил русскую природу, как может любить её только настоящий русский человек, выросший среди неё, и, как художник, ничего другого он никогда и не любил, кроме этой природы, этих берёз, этих церковок, этого тихого звона над притихшими полями и перелесками. Он никогда не ходил в синагогу, но и Православия он не принимал, – и умно делал: он понимал, что для того, чтобы принять его, мало любить церковки, любить красоту и поэзию церковной службы, – нужно ещё и многое другое...»

После кончины на груди И.И. Левитана увидели православный крест, который он, оказывается, давно носил.

Любовь к церкви, можно предположить, пробудилась у художника не без влияния Чеховых, Киселёвых и монахов Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, в который они ездили на службу в воскресные и праздничные дни...

В 1899 году Левитан снова отправился в Ялту, где в то время был Чехов. К этому времени художник был удостоен звания академика пейзажной живописи.

После возвращения в Москву он почти не выходил из дома, был болен. Левитан умер солнечным днём 22 июля 1900 года, оставил приблизительно сорок незаконченных картин и примерно триста этюдов. Картина «Озеро. Русь» также осталась незавершённой.

На ялтинской даче А.П. Чехова, в его любимом рабочем кабинете, на камине хранился этюд И.И. Левитана. Однажды, года через три после кончины художника, когда речь зашла о нём, Чехов сказал, глядя на этюд:

– Как мало ценят – как мало дорожат вещами Левитана. Ведь это же стыдно. Это такой огромный, самобытный, оригинальный талант. Это что-то такое свежее и сильное, что должно бы переворот сделать. Да, рано, рано умер Левитан.

К счастью, время всё расставило по своим местам. Любовь к художнику И.И. Левитану в России стала воистину всенародной. Живопись Левитана обрела своё место, и нет в России человека, который бы не знал его творчества.

И.И. Левитан. *Озеро. Русь.*